

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АРБАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ"-2017

© 2017 г.

Материал поступил в редакцию 6.06.2017

19 мая 2017 года в Институте США и Канады РАН состоялась VII научная конференция "Арбатовские чтения", ставшая традиционной в ИСКРАН и получившая свое название в память об основателе Института и создателе отечественной научной школы американистики – академике Георгии Аркадьевиче Арбатове.

В этом году конференция была посвящена 50-летию ИСКРАН. Её повестка состояла из двух заседаний: на первом "ИСКРАН – полвека успеха" вспоминали памятные события истории Института. На втором обсуждались актуальные проблемы американистики, а также первые шаги администрации Дональда Трампа по вопросам экономической, внутренней, внешней и военной политики США*.

В работе конференции приняли участие как старейшины Института – сотрудники, всю жизнь или долгое время работавшие в ИСКРАН и посвятившие все эти годы изучению американистики, так и представители молодого поколения учёных, пришедшие в Институт уже в новом тысячелетии. В числе приглашённых в работе конференции участвовали давние коллеги, друзья и сподвижники Института из Российской академии наук, экспертного сообщества, а также бывшие сотрудники ИСКРАН, поддерживающие на протяжении многих лет связь с институтским коллективом.

Так, на первом заседании выступили: ИВАНОВ Игорь Сергеевич, член-корреспондент РАН, президент Российского совета по международным делам, чрезвычайный и полномочный посол РФ, в 1998–2004 гг. занимавший пост министра иностранных дел России; АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; ЛУКИН Владимир Петрович, доктор исторических наук, заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ, чрезвычайный и полномочный посол РФ в США в 1992–1994 гг.; ВОЙТОЛОВСКИЙ Фёдор Генрихович, член-корреспондент РАН, исполняющий обязанности директора ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

Ключевые слова: 50-летие ИСКРАН, 19 мая – День рождения Г.А. Арбатова, достижения ИСКРАН, вехи истории Института.

Открыл конференцию директор ИСКРАН, доктор исторических наук **Валерий Николаевич ГАРБУЗОВ**, отметивший, что она созывается именно 19 мая – в день рождения Г.А. Арбатова и потому называется "Арбатовские

* С начала года журнал публикует материалы (см. "США ♦ Канада: экономика, политика, культура", 2017, №№ 1, 2, 3 и т.д.), посвященные юбилею Института США и Канады РАН, образованного в декабре 1967 года. – *Ред.*

* Выступления участников второго заседания "Арбатовских чтений"-2017 будут опубликованы в ближайшем номере журнала. – *Ред.*

чтения". Он рассказал, что в год 50-летия ИСКРАН анализ деятельности Института будет сочетаться с историческими сопоставлениями и воспоминаниями. Кроме того, к юбилею Института будет издана книга "Очерк истории Института США и Канады", в которой прослеживается эволюция его научных школ и направлений исследования.

50 лет – это большая значимая дата. На протяжении полувека изменялась наша страна, трансформировался объект нашего изучения, менялся коллектив. И всё это время Институт занимался уникальным комплексным изучением двух стран – США и Канады.

Затем выступил научный руководитель ИСКРАН академик РАН, профессор **Сергей Михайлович РОГОВ**, приветствовавший гостей и участников конференции. Он поделился воспоминанием о том, как в 1967 г., полвека назад, учась на первом курсе МГИМО, он попал в американскую группу и услышал о создании Института Соединённых Штатов Америки РАН.

Создание Института и превращение его в один из ведущих научных центров в мире, подчеркнул он, – это подвиг Георгия Аркадьевича. Практически на пустом месте в течение нескольких лет было создано учреждение, превратившееся в один из немногочисленных мозговых центров в нашей стране. И если говорить о заслугах Георгия Аркадьевича, то в первую очередь надо отметить его выдающийся вклад в формирование объективного научного подхода к вопросам политологии. По существу вместе с ИМЭМО сотрудники ИСКРАН под руководством Г.А. Арбатова смогли сыграть ведущую роль в появлении отечественной политологии.

Тут уместно привести рейтинг лучших мировых мозговых центров (*Top Global Think Tanks*): ИСКРАН занимает первое место среди исследовательских центров, занимающихся вопросами национальной и международной безопасности. Это единственная категория, где мы обогнали ИМЭМО, который в силу ряда причин имеет лидирующее положение в некоторых других сферах исследований.

Конечно, и экономические исследования заняли в нашем Институте важное место, поскольку мы были одними из первых, кто изучал реальную рыночную экономику стран Запада, а не прикрывался карикатурными штампами, которые, увы, господствовали в то время в нашей стране.

Большой заслугой Г.А. Арбатова стало формирование новой школы военнополитических исследований в нашей стране. До этого военная сфера была заповедником "людей в погонах", и считалось, что не ума гражданских заниматься вещами, которые составляли тайну, в первую очередь от нашего собственного общества.

ИСКРАН – это создание школы американистики, где работал и работает ряд выдающихся исследователей. Не менее важное значение имело и формирование научной школы канадоведения в стенах Института.

Георгий Аркадьевич Арбатов сумел повлиять на развитие истории страны и был одним из тех, кому принадлежит заслуга в радикальных изменениях, которые произошли здесь в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Однако он был отнюдь не в восторге от той экономической и социальной политики, которая проводилась в стране в 90-е годы. Чрезвычайно велика его заслуга

в прекращении холодной войны. Пожалуй, он сделал для этого больше чем кто-либо другой. Это не означает, что нужно отрицать заслуги других руководителей и экспертов, которые помогли покончить с холодной войной. Но первый директор ИСКРАН отстаивал свою позицию, позицию нашего Института действительно смело и мужественно, идя при этом на серьёзный политический риск.

Прошло полвека, и уже семь лет как Георгия Аркадьевича нет с нами. Институт продолжает жить, но есть проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Недавно был отбит рейдерский захват нашего здания некоей конторой. Особую благодарность хотел бы выразить Совету Федерации в лице нашего "засланного казачка" Владимира Петровича Лукина, а также и Константина Иосифовича Косачева и Валентины Ивановны Матвиенко. В результате произошло почти чудо – Росимущество пересмотрело решение передать наше здание на баланс этой рейдерской организации, и в год 50-летия мы стали полноправными хозяевами в наших угодьях.

Далее С.М. Рогов предоставил слово члену-корреспонденту РАН **Игорю Сергеевичу ИВАНОВУ**, – бывшему министру иностранных дел, секретарю Совета Безопасности РФ, который ныне является президентом РСМД.

И.С. Иванов, поблагодарив за приглашение на "Арбатовские чтения", сказал: "Когда Сергей Михайлович ещё учился в Институте, я уже из него выпустился и искал работу. И тогда благодаря небольшой протекции пришёл в ИСКРАН к Георгию Аркадьевичу на собеседование. В кабинете, где сейчас продолжает работать директор института, он меня как вежливый человек выслушал и сказал: "Хорошо, мы подумаем и, если появится вакансия, мы с Вами свяжемся". Судя по тому, что до сих пор со мной никто из ИСКРАН не связался, я, видимо, не произвёл на Георгия Аркадьевича должного впечатления".

Не попав в Институт США и Канады, я пошёл работать в Институт международного коммунистического и рабочего движения, а потом в конце 1969 г. – в ИМЭМО, где занял вакантную должность помощника директора института Н.Н. Иноземцева, очень близкого соратника и друга Г.А. Арбатова. Естественно, что в должности младшего научного сотрудника доступа к важным делам я не имел, но как помощник я участвовал в совещаниях, которые проходили у Николая Николаевича. В то время документы, которые обсуждались на этих совещаниях, затем, как правило, направлялись на доклад в ЦК КПСС и учитывались при формировании политики нашей страны, в том числе и в области внешней политики.

В здание МИД СССР я впервые вошёл в 1970 г., сопровождая Н.Н. Иноземцева, которого пригласили на заседание Коллегии министерства, чтобы представить прогнозы мирового развития, подготовленные в нашем институте. Заседание проходило под председательством А.А. Громыко. Споры по докладу Николая Николаевича были жаркие, но проходили они в конструктивном духе. Этот эпизод показывает, какое большое внимание уделяли и в ЦК КПСС, и в МИД тем разработкам, прогнозам, которые готовились в академических институтах.

Уверен, что такое тесное взаимодействие между наукой и практикой шло на пользу обеим сторонам. Говорю я это с определённой горечью, потому что с распадом Советского Союза эта связка утратила тот монолит. Мне кажется, что недостатки стратегического видения и в области международных отношений, и в экономике, которые мы сейчас наблюдаем, объясняются в том числе утратой связи между наукой и практикой. Во второй половине 80-х годов, когда министром был Э.А. Шеварнадзе, мы попытались поактивнее подтянуть в нашей деятельности науку. Даже создали специальное подразделение по связям с академическими институтами и выделяли средства, чтобы заказывать у них разработки тех или иных проблем, с опорой на историю и чтобы они содержали определенные рекомендации. Что-то получалось, что-то нет. Но главное – было понимание, что для выработки серьёзных политических решений, нужно было опираться на глубокую научную экспертизу.

В дальнейшем с приходом в МИД России Е.М. Примакова, эта связь стала носить менее формальный, но более эффективный характер, так как Евгений Максимович был лидером не только в нашей мидовской среде, но и в академической. У него были близкие уважительные отношения со всеми ведущими учёными нашей страны в разных институтах. Сотрудничество продолжалось и когда Е.М. Примаков перешёл в правительство.

Российский совет по международным делам, который я представляю сейчас и членами которого являются и академик С.М. Рогов и директор института В.Н. Гарбузов, пытается выстроить какие-то "мостики" между наукой и властью, наладить и восстановить то позитивное, что было утрачено. Мы очень рассчитываем на поддержку специалистов ИСКРАН, которые действительно являются незаменимыми. Сергей Михайлович говорил, что ваш институт остаётся кузницей американистики. Зная как обстоят дела в МИД, могу сказать, что, к сожалению, американистов нам сейчас не достаёт. В 70-е, 80-е годы, когда я пришёл работать в МИД, у нас была армия высококлассных американистов, которые были не только дипломатами, но и учёными. Были мощные школы германистики и арабистики. Сегодня мне будет очень непросто назвать американистов высокого класса. Смогу назвать трёх-четырёх, а потом начну спотыкаться. Так же обстоят дела и у европейцев. Тают у нас и ряды арабистов.

Всё это я говорю не для того, чтобы впасть в панику, а чтобы знать и чтобы что-то предпринимать. Если завтра вдруг будет принято решение возобновить переговоры по разоружению, то руководство МИД столкнётся с огромными трудностями, чтобы сформировать команду. А раньше у нас было несколько команд из высокопрофессиональных специалистов по направлениям стратегических, обычных вооружений и т.д. Мы могли посылать делегации и иметь резервную команду. Переговоры велись на постоянной основе. Поэтому я уверен, что рано или поздно профессионалы высокого уровня опять будут востребованы, а поэтому надо готовить кадры. Г.Э. Мамедов, мой заместитель, пришёл из вашего Института, Владимир Петрович Лукин пришёл в МИД из вашего Института. Такой "переток" кадров должен быть восстановлен.

Теперь несколько слов о российско-американских отношениях. Скажу откровенно, меня интересует больше не анализ первых шагов Д. Трампа, а ана-

лиз наших собственных шагов в связи с его президентством. Учитывая, что я сейчас не обременён ни государственными, ни служебными обязательствами и ограничениями, могу сам себе задавать вопросы и пытаться на них отвечать.

Так вот первый вопрос – кто несёт больше издержек от нынешнего кризиса в российско-американских отношениях – Россия или США? Несмотря на то что ответ очевиден, на него важно ответить, так как если мы приходим к выводу, что издержки несёт наша страна, то соответственно от нас и должна исходить инициатива выхода из кризиса или изменения направления динамики в двухсторонних отношениях. Можно, конечно, ждать или действовать агрессивно. Но таким образом делу не поможешь.

Второй вопрос. Многие говорят, что такого кризиса в российско-американских отношениях никогда не было. Не уверен. По крайней мере, на моей памяти были агрессия НАТО в Югославии, кризис на Балканах, выход США из Договора по ПРО, начало войны в Ираке в 2003 г. Это были, безусловно, кризисные ситуации. Можно ли сравнивать их с нынешним кризисом? В чём-то – да, в чём-то – нет. И вместе с тем, мы прекрасно понимали, что эти кризисы требовали инициативных шагов, чтобы остановить отрицательную динамику.

Прекрасно помню ту критику, которая звучала в Государственной думе после того, как в Риме в мае 2002 г. мы создали Совет Россия – НАТО. На тот момент это был серьёзный шаг, и если вы посмотрите декларацию, которую подписали все главы государств – членов НАТО и Россия, там сказано, что государства выступают в национальном качестве. Это был принципиальный момент. Мы, таким образом, пытались переломить динамику противостояния на евроатлантическом пространстве, которую унаследовали от холодной войны. Поэтому все разговоры о безысходности нынешнего кризиса, по-моему, несостоятельны. Может быть стоило бы прислушаться к голосу учёных и экспертов, которые, будучи не обременёнными инструкциями, могли бы объективнее и шире взглянуть на эту проблему.

В конце 1990-х мы готовили наши предложения по российско-американским отношениям в связи с приходом администрации Дж. Буша-мл., и я попросил своих коллег порыться в архивах для того, чтобы достать предложения по отношениям с США, которые готовились при А.А. Громыко. Меня интересовала, в частности, методология подготовки таких предложений. Стратегия отношений с США готовилась поэтапно: брались документы, которые министерство получало из академических институтов, готовился проект записки, который обсуждался на Коллегии. Затем предложения рассматривались на секретариате ЦК, а после этого на Политбюро. По итогам этой работы принимался базовый документ, от которого отталкивались другие ведомства при формировании подходов к тем или иным проблемам. То есть это была система – несколько месяцев серьёзной подготовки по каждой позиции. Это была отработанная, основанная на научном анализе и национальных интересах программа, которая реализовывалась с учётом меняющейся конъюнктуры.

Теперь перехожу к традиционному вопросу "что делать?". С моей точки зрения, встречу президентов России и США надо было организовывать сразу после американских выборов. Сегодня ситуация уже слишком разогрета в

США. Никакая встреча не будет расценена как успех. Принимать серьезные решения в такой обстановке очень трудно.

Как вы помните, в 2001 г., когда пришёл Дж. Буш-мл., была ситуация, при которой не 30 с лишним, а под 100 наших сотрудников были вынуждены уехать из Вашингтона из нашего Посольства. Тогда мы через полтора месяца организовали встречу президентов в Любляне. Ещё не успели улечься страсти и люди ещё там не поняли, что произошло. Эта встреча имела одну цель – показать, что два президента встречаются и говорят. Это был сигнал, чтобы министерства и ведомства в двух странах начинали говорить, общаться. Сегодня же практически всё остановлено. И пока не будет сигнала на высшем уровне, никто двигаться не будет. Это первое.

Второе. Мне кажется, что есть механизмы, которые мы могли бы активнее задействовать – это механизмы многостороннего диалога. Они показали свою эффективность на переговорах с Ираном – 5+1. Как вы помните, у нас с США были принципиальные различия в подходах к ядерной программе Ирана. Мне было поручено вести переговоры с президентом Дж. Бушем- мл. по этому поводу. И у него был один вопрос: "Если Иран нарушит условия, вы пойдете на санкции?". Мы дали своё согласие и выполнили обещание. Вместе с тем это позволило нам включить США в серьёзный диалог по иранской ядерной программе и добиться подписания Соглашения.

Я не очень понимаю, почему нет нашей активности по северокорейской ядерной проблеме. У нас есть многосторонний шестисторонний формат, который мы же создавали. В рамках многостороннего формата всегда легче говорить с оппонентом, чем на двусторонних переговорах.

Прекрасно помню, что в своё время, в начале 2000-х годов, был формат по Афганистану. Он был восьмисторонний, если я не ошибаюсь, – приграничные государства плюс США и Россия. Этот формат позволял американцам впервые говорить с иранцами, потому что Иран тоже входил в этот формат.

Третье направление. Мне кажется, что, помимо саммитов и переговоров на уровне министерств иностранных дел, можно попытаться говорить на рабочем уровне по линии различных министерств, где у нас имеются взаимные интересы.

Четвёртое. Это наша с вами непосредственная работа – более активное участие общественных организаций, контакты по парламентской линии, которые раньше всегда играли активную роль в кризисных ситуациях, позволяя сохранять диалог. Кстати, и Г.А. Арбатов, и Н.Н. Иноземцев в этом участвовали, но сегодня это не работает. По линии общественных организаций кое-что делается, но здесь нужна поддержка государства. Мы все ограничены в средствах для того, чтобы осуществлять совместные проекты. Нужна поддержка не только материальная, а прежде всего морально-политическая. Потому что всё, что мы делаем, должно быть востребовано. Если этого нет, то работа превращается в интеллектуальные игры, которые, конечно, каждого из нас обогащают, но вряд ли дают тот результат, на который мы хотели бы рассчитывать.

Я могу долго говорить о различных вариантах и предложениях, которые, с моей точки зрения, могли бы помочь хотя бы снизить накал в отношениях с

США. Российская тема, к сожалению, стала важным фактором внутривнутриполитической борьбы в США, но это не значит, что нам нужно активно в этой борьбе участвовать, тем более что мы Д. Трампу помочь не сможем и внутривнутриполитическую ситуацию изменить тоже не сможем. Д. Трамп или сам себе поможет, или ему никто не поможет.

В заключение я хочу всех поздравить с 50-летним юбилеем и поблагодарить за то сотрудничество и заинтересованный отклик на предложения о взаимодействии по подготовке различных материалов, за участие ваших сотрудников в наших конференциях. Всё это очень полезно. Мы, например, проводим конференцию по российско-китайским отношениям, но ведь Шёлковый путь ("один пояс – один путь") – это же не только и не столько тема российско-китайских отношений. Разве кто-то закрывает американским компаниям возможность инвестиций в инфраструктурные и энергетические проекты Шёлкового пути. Это можно делать в том числе вместе с нами. То есть много тем, по которым мы можем вместе работать и показывать, что у нас с американскими партнёрами есть достаточно совпадающих интересов. А политическая конъюнктура, которая складывается, продиктована отнюдь не российско-американскими проблемами.

В США, как вы знаете, много вполне разумных рациональных людей, которые понимают абсурдность ситуации и готовы к совместной работе по её изменению. Но они ещё не видят, насколько это будет востребовано. Я считаю, что нам не нужно ждать заказов или инструкции, а нужно работать инициативно. За участие в наших проектах ещё раз хочу поблагодарить сотрудников Института. Вот и всё, что я хотел сказать. Может быть, вы когда-нибудь ещё пригласите меня в Институт.

С.М. Рогов: Я хотел бы поблагодарить Игоря Сергеевича за интересные и провокационные соображения, которые он высказал. Конечно же, хочется отреагировать. Отложим дискуссию на окончание выступления наших гостей.

Затем выступил **Владимир Петрович ЛУКИН:**

Дорогие друзья, особенно старые и старшие друзья, очень приятно быть в ИСКРАН и видеть лица старых друзей, особенно в этот день.

Должен сказать, что за всю свою жизнь я работал на многих работах, но дольше всего в ИСКРАН – целых 19 лет, и хотя бы по этой причине, считаю её самой важной и интересной. И, кроме всего прочего, это были, пожалуй, одни из самых счастливых лет моей жизни. Этим я обязан первому директору – Георгию Аркадьевичу Арбатову и многим другим. В своих мемуарах он весьма пространно и комплиментарно пишет обо мне, что, на мой взгляд, не совсем заслуженно. И я уже кое-что написал. В летнем номере журнала "США ❖ Канада: экономика, политика, культура" появятся мои краткие мемуары*. Но конечно, как говорится в Священном писании "довлеет дневи злоба его", поэтому хочется и говорить, и слышать, что происходит сейчас.

Славное прошлое – важная вещь, но перекосы в гордости в отношении нашего славного прошлого мы наблюдаем повсеместно в последнее время. И

* Воспоминания В.П. Лукина см.: "США ❖ Канада: экономика, политика, культура", 2017, № 7, с. 62–66. – *Ред.*

иногда это происходит в ущерб объективному анализу того, что происходит в настоящем. Я думаю, что если посмотреть с точки зрения подхода Георгия Аркадьевича и его коллег к вопросам внешней политики страны в прошлом, то была характерна очень тесная связь внутренней и внешней политики. Дело в том, что Институт создавался не только для того, чтобы он мог заниматься чисто двусторонними делами, но и пытаться что-то сделать, транслировать каким-то образом, какие-то практические вещи решить, которые были связаны с изучением американского опыта, особенно в экономике. И в этом смысле тот *Think tank*, который создавался, был очень прикладным, не только фундаментальным. Думаю, что сейчас мы сильно увлечены перипетиями отношений как таковыми, и при этом забываем, для чего нужна внешняя политика. Для чего она людям нашим нужна? По-моему, она нужна для того, чтобы создать благоприятные здоровые и выгодные для страны отношения, которые способствовали бы развитию страны, её модернизации, усилению её экономического, социального потенциала.

Внешняя политика всегда была и сегодня направлена на приобретение друзей. Друг – это субъект внешней политики, от которого можно что-то полезное получить. Получить можно практически от всех. Если правильно проводить политику. А для этого нужно строить конструктивные нормальные отношения. Или можно от всех получить подзатыльники. Как там это было: "Гордо реет буревестник, чёрной молнии подобный", или трёхцветной. Можно над всеми реять, извергать громы, но пользы от этого не видно, кроме чувства глубокого самоудовлетворения. Поэтому возникает естественный вопрос об эффективности внешней политики. Не о красоте каждодневных высказываний, а именно об эффективности с точки зрения пользы для страны. От Америки в нынешних отношениях никакой пользы не вижу. Не созданы предпосылки, чтобы эта польза лилась рекой в наш огород.

В Институте я долгое время занимался "треугольными отношениями": Россия – Китай – США. Этим треугольником отношения ни для нас, ни для Китая, ни для США не исчерпываются. Но они являются существенной частью мировой политической конструкции. Что мы имели в тот период? Мы имели идеологически напряжённые отношения между двумя странами, но всё-таки имели конструктивную основу, которую Институт старался развивать. Сильными факторами в этих отношениях были Советский Союз и Соединённые Штаты. Слабым фактором был Китай. Все это прекрасно понимали, в том числе и китайцы. Особенно сильно это проявилось по истечении некоторого времени после Китайской культурной революции – в конце 1960-х и 1970-е годы.

Давайте перелистаем несколько исторических страниц и посмотрим, как обстоят дела сейчас. Треугольник по-прежнему существует, при этом двумя сильными сторонами стали США и Китай. Слабой стороной стала, к большому сожалению, Россия. Поэтому, если говорить о Д. Трампе, то возникает интересная ситуация в нынешних "сторонах" политики. Ведь на самом деле серьёзнейшие объективные противоречия во многих областях существуют сейчас между США и Китаем. Потому что между ними имеется огромный пласт экономических отношений, среди которых есть очень острые аспекты. Есть реально расширяющийся китайский военный бюджет и китайское военное при-

существование в районах, которые традиционно были районами присутствия Соединённых Штатов. Имеется в виду Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море и т.п., ещё и ядерные аспекты. Военный бюджет Китая существенно превышает военный бюджет России. Американцам это прекрасно известно.

Теперь на этом фоне что происходит. Разумеется, треугольные отношения – это такие отношения, которые являются наиболее выгодными и более или менее уравнивающими слабого партнёра только в одном варианте: если отношения этого слабого партнёра с обоими сильными являются конструктивными, лучшими, чем отношения между сильными партнёрами. Достигли ли мы такой ситуации? По-моему, не очень, а всё обстоит совсем наоборот. И с этой точки зрения, говорить о том, что мы проводим эффективную внешнюю политику было бы сильным приукрашиванием действительности, и Игорь Сергеевич (Иванов. – *Ред.*) коснулся этой проблемы.

Почему так случилось, что Китай превратился в сильного партнёра в этом глобальном треугольнике, а почему Россия превратилась в слабого партнёра? Безнадёжна ли эта ситуация? Китайский опыт подсказывает, что нет. Для этого нужно сделать простую вещь. Отказаться от "гордого реяния" и заняться своими внутренними вопросами всерьёз и надолго. Вот Китай занялся на 35 лет, после чего он оказался другой страной, с другими возможностями, в том числе внешнеполитическими, которые он использует очень осторожно.

Но посмотрите, что происходит. На фоне того, что у нас с Соединёнными Штатами двухсторонних противоречий не существует, по моему глубокому убеждению, хотя дачу я как бывший посол американцам никогда не прощу, в энергетической области мы с американцами сможем быть глобальными конкурентами, а больше ничего нет. У нас практически нет двухсторонних противоречий с США. У нас противоречия другого свойства – миропонимания, глобальных интересов. Да, у Америки они есть. Но они основаны на очень серьёзных силовых факторах, у Китая – тоже.

У нас не совсем понятно, на базе чего основано это "гордое реяние". Так вот, нужно 35 лет, чтобы немножечко рационализировать нашу внешнюю политику, направить на решение внутренних задач, чтобы потом можно было говорить если не нам, то нашим детям. А сейчас в общем-то предмета для серьёзного разговора я не вижу. Сейчас каждый день я вижу только размахивание гуттаперчевыми кулаками перед большим красным носом и т.д. В моём любимом треугольнике возникает ситуация странноватая, но не безнадёжная. Перейти к более рациональной политике можно при одном условии – если наши отношения с Китаем, которые совсем не радужные, на мой взгляд, потому что то, что делает Китай, собрав 68 государств вокруг своего глобального проекта, основанного на очень серьёзных ресурсах, – это совсем не подарок нам на перспективу. Так вот, обо всём этом стоит задуматься, когда мы вспоминаем нашего первого директора – Георгия Аркадьевича Арбатова, который в очень серьёзной и трудной обстановке иного треугольника работал так, чтобы увеличить шансы на мир и шансы на более или менее приличное внутреннее состояние страны в пределах собственных сил и возможностей, вместе со своими коллегами, такими как академики Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примаков и недавно скончавшийся А.С. Черняев. Всех мы должны вспоминать, но прежде

всего Георгия Аркадьевича, которого мы вспоминаем неразрывно от 50-летия Института. И конечно, хотел бы сказать, что все, кто продолжает его дело, делают очень полезную работу. Так что, вперёд, к новым треугольникам и менее экзотическим внешнеполитическим временам. Спасибо!

Слово предоставляется **Алексею Георгиевичу АРБАТОВУ**. Он поблагодарил руководство и коллектив Института за то, что продолжается этот проект "Чтений" 19 мая и в целом, за то, что Институт хранит память о своём основателе, его отце: "Я никогда не работал в ИСКРАН, хотя люди посторонние воспринимают то, что я должен был работать здесь, как должное. Но, как вы знаете, этого никогда не было. Хотя вся моя профессиональная и, можно сказать, "взрослая" жизнь была с Институтом США и Канады тесно связана. Я заканчивал школу и поступил в вуз как раз в год основания Института, и поскольку меня интересовали проблемы, связанные с разоружением, а США играли и продолжают играть решающую роль в этом вопросе, автоматически я был очень тесно связан с ИСКРАН, и мне посчастливилось бывать на заседаниях учёных советов, познакомиться с ведущими специалистами, и за это я тоже очень благодарен, потому что это заложило основу всей моей последующей деятельности. Вклад ИСКРАН в содружестве с ИМЭМО, где я проработал почти всю жизнь минус 10 лет в Государственной думе, вклад этих двух институтов был поистине чрезвычайным в прекращении холодной войны и гонки вооружений.

Сейчас мы имели возможность убедиться на своём собственном опыте, что история имеет не линейный, а циклический, спиральный характер. И то, что мы сейчас видим, – это на новом витке спирали возвращение к той ситуации, которая имела место во время образования Института и внутри страны, и за рубежом. И в частности, в международных отношениях, и больше всего в отношениях между Россией и США и их союзниками в Европе и Азии. Что первично, что вторично – вопрос дискуссионный, как "курица и яйцо", это тесно взаимосвязанные через диалектические законы процессы, но неслучайно, что реставрационные тенденции на новом этапе, на новой основе, которые мы видим здесь и сейчас, очень тесно связаны с обострением напряжённости между Россией и США и между Россией и Западом в целом, которые мы видим во вне.

Можно сказать, что сейчас, опасность вооружённого конфликта между Россией и Западом, который может моментально эскалировать к ядерной войне, выше, чем когда-либо имело место со времен Карибского кризиса 1962 г. Мы являемся свидетелями очень интересного и в то же время опасного парадокса. Несмотря на то что за последние 25 лет, в том числе благодаря усилиям нашего академического сообщества – ИСКРАН, других институтов, произошли огромные прорывы в области ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия, и глобальные ядерные арсеналы сократились практически на порядок, вероятность применения этого оружия очень высока в настоящий момент. Потому что этот процесс вошёл в противоречие с обострением напряжённости между Россией и Западом, который начался примерно с украинских событий, хотя назревал задолго до этого, но прорвался этот нарыв вокруг событий в Украине и привёл по существу к новой холодной войне. Пусть это и

не глобальная холодная война, но война в том сегменте международных отношений, от которых зависит вся мировая политика, особенно в части, которая касается ядерного оружия.

Очень опасная тенденция современности – "банализация", если можно так выразиться, инструментализация ядерного оружия. В годы холодной войны после всех кризисов и чудовищной гонки вооружений, руководство СССР и США пришли к выводу, что ядерное оружие – это не оружие войны, это оружие, которое нельзя использовать, и за этим последовали все известные заявления, декларации о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и на этой основе было заключено девять крупнейших соглашений о сокращении и ограничении ядерных вооружений. Сейчас политические лидеры и здесь и там не вполне разделяют эту точку зрения.

Что касается Б. Обамы, он её разделял, а что касается Д. Трампа – я в этом далеко не уверен. Особенно, если судить, по его высказываниям. Человек он простой и неопытный и, вполне возможно, смотрит на ядерное оружие как на более мощное оружие, которое при определённых обстоятельствах можно было бы и использовать.

Что касается России, где преемственность гораздо более ярко выражена, то и здесь не так всё просто. В прошлом году президент Российской Федерации, выступая на одном из форумов, по-моему Валдайском форуме, сказал совершенно правильно – "ядерная война означала бы конец человеческой цивилизации". А потом вдруг добавил – "наверное". Это значит, что есть кто-то, кто приходит к нему и на разных заседаниях говорит, что новые системы оружия, новые информационные системы управления при случае позволяют их использовать в качестве продолжения политики насильственными методами, как писал незабвенный Карл фон Клаузевиц.

И это отражается в новых стратегических концепциях. В России время от времени они просачиваются в свободную печать. Официально они были высказаны только один раз, в 2003 г., в публикации "Актуальные задачи вооружённых сил Российской Федерации", о том, что ядерное оружие может быть использовано для демонстрации решимости и для деэскалации конфликта. Использовано, а не представлено как фактор устрашения! Здесь сидят специалисты, генералы, которые не дадут соврать: стратегическая стабильность с точки зрения классических формул, стабильность ядерного баланса между Россией и США сейчас прочна как никогда. Уровни стратегических сил примерно совпадают с тем, который был на момент образования Института США и Канады. Но уровень стабильности, который сформулирован как характер стратегических отношений, исключающий возникновение стимулов для нанесения первого удара, сейчас высок как никогда. Ни одна сторона не может надеяться осуществить разоружающий удар, избежав возмездия.

Но, тем не менее, как ни парадоксально, именно на этом уровне стратегической стабильности активно прорабатываются идеи избирательного применения стратегических сил. Не тактических ядерных вооружений, как было раньше во время холодной войны, а именно стратегических, которые якобы не приведут к эскалации и не закончатся катастрофой. И это вторая сторона сегодняшнего парадокса. Всё больше и больше появляется работ и высказыва-

ний, в которых авторы, тесно связанные с компетентными инстанциями, пишут, что даже массированный обмен ударами не завершится катастрофой, потому что ядерного оружия стало гораздо меньше.

Мне кажется, это очень опасная тенденция, так как это не имеет абсолютно ничего общего с реальностью, потому что любое применение оружия ядерными державами молниеносно приведёт к эскалации, а эта эскалация приведёт к глобальной катастрофе. Но эта реальность не отражается в сознании. И это очень опасный феномен современности, с которым, как мне кажется, все здравомыслящие люди должны активно бороться.

Я хочу сделать несколько комментариев по повестке дня. О Дональде Трампе, о его президентстве в стенах ИСКРАН знают гораздо больше, чем я. Я никогда не был американистом и, когда ко мне обращались с такого рода вопросами, я говорил, что я специалист по ядерному оружию, по нераспространению, и только в той части, в которой США играют здесь свою роль, меня можно считать специалистом по вопросам внутренней и внешней политики этой страны. Но что касается Трампа, мне кажется, было бы некоторым заблуждением, психологической аберрацией, когда, наблюдая за избирательной кампанией, за Хиллари Клинтон, которая на нас нападала, за Трампом, который говорил для нас приятные слова, здесь сложилась некоторая иллюзия – вот победил Трамп (а его победу у нас отмечали чуть ли не как национальный праздник), и теперь он к нам приедет и скажет: "Простите нас за всё, что сделал Обама. Мы больше так не будем. Давайте договариваться и жить в мире и дружбе".

Была такая книга после визита Н.С. Хрущева в США в 1959 г., которая называлась "Жить в мире и дружбе". Вот нечто такое подспудно присутствовало, несмотря на то что все говорили о том, что никакой эйфории не присутствовало. Но слова – это одно, а настрой – это другое. И вот пришёл Трамп и оказалось, что ничего такого не происходит. И я думаю, что ещё долгое время со стороны США ничего такого не будет происходить. Но это означает, что Россия во многих сферах должна взять инициативу в свои руки. Особенно в части контроля над ядерным оружием.

Для этого Россия должна сделать два шага. Во-первых, осознать, что для неё этот вопрос жизненно важный, что российская безопасность зависит от этого больше, чем у любого другого глобального центра силы, из-за уязвимости геостратегического положения, из-за слабости экономики, из-за плачевного состояния нашей науки и техники. Для России это способ обеспечения безопасности, а не какая-то благотворительность, не жест в сторону миролюбивых сил и не уступка США.

И второй шаг: Россия должна спасти распадающуюся систему контроля над ядерным оружием, которая создавалась на протяжении предшествующих 50 лет после первого Договора о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г. Неустанным трудом и политиков, и военных, и дипломатов, и учёных, особенно учёных из наших двух институтов, создавалась эта огромная, всеобъемлющая, и, я бы сказал, изощрённая (хитроумная) система контроля над ядерным оружием. Она сейчас в огромном кризисе. В МИД, где мы вчера с Сергеем Михайловичем были, нам сказали, что они так не считают, что нет

кризиса. Но кризис – это понятие лирическое. Кризис – это не смерть, это такое состояние, после которого наступает либо выздоровление, либо смерть. Выздоровление пока ещё возможно, но возможен и летальный исход, и тогда мы окажемся в гуще совершенно новой гонки вооружений, которая окажется гораздо хуже и опасней гонки вооружений времён холодной войны. Конечно, по темпам развёртывания систем современного оружия ничего сопоставимого со временами холодной войны, наверно, уже невозможно хотя бы по экономическим причинам. Но по качественным характеристикам, по структуре этой гонки вооружений это будет намного опасней. И в плане вероятности войны, и в плане невозможности реального осуществления мер контроля над соглашениями об ограничении или сокращении этих вооружений. Потому что нам предстоит впредь не просто гонка наступательных ядерных вооружений двух стран; а американцы в ближайшие годы начнут программу обновления своего ядерного арсенала. Кроме того нам предстоит гонка наступательных и оборонительных высокоточных систем в неядерном оснащении, космических систем и киберсистем. Причём эта будет многосторонняя гонка вооружений не между двумя сверхдержавами, а гонка, в которой будет участвовать и Китай, и Индия, и Пакистан, и Израиль, и другие ядерные государства, которые возможно появятся.

В этих условиях для России очень важно осознать, что она окажется в крайне уязвимом положении, и сейчас, как говорят десантники, "никто, кроме нас" не может взять на себя инициативу спасения существующей системы и развития этой системы, чтобы она могла ответить на новые угрозы и вызовы. Потому что США не могут, судя по всему, а Европа и Китай тем более не в состоянии этого сделать в силу объективных причин. Что касается США, в администрации Трампа нет ни интереса, ни идей, ни людей, которые могли бы этим заниматься в обозримый период. У нас, к сожалению, пока ещё присутствует принцип *"wait and see"*, излюбленный принцип нашей дипломатии, – подождём, пусть американцы раскатаются, что-то предложат, а мы на это будем отвечать. Так было в истории: каждый новый цикл ограничения вооружений, начиная с встречи в Гласборо в 1967 г., открывался с инициативы США. Мы или отвечали, или отмахивались, и после этого начинался торг. Так вот сейчас этого уже не будет.

Нам нужно перехватить инициативу, чтобы изменить эту парадигму и взять инициативу в свои руки. Но понять, что нам это важно с точки зрения национальной безопасности и экономического благосостояния, ещё недостаточно. Надо сформулировать вполне конкретные, чёткие, профессиональные предложения по каждому из ключевых вопросов.

В этой связи я хотел бы задать ряд риторических вопросов – на протяжении многих лет мы отмахивались от предложений Обамы о новом договоре СНВ, утверждая, что системой ПРО они всё путают и нарушают стратегических баланс. А что мы предлагаем по ПРО? Мы хоть раз что-то предложили по ПРО после того, как идея секторальной ПРО и идея юридически обязывающих гарантий по ПРО не сработали? Мы что хотим в этой области – вернуться к Договору 1972 г. и Протоколу 1974 г.? Или мы хотим полностью запретить ПРО? Да, нет. Мы сами развиваем свою программу воздушно-

космической обороны, которая с учётом нашего геостратегического положения реально нам гораздо важнее, чем американцам, потому что именно вокруг нас находятся все государства с ракетным и ракетно-ядерным оружием.

Второй момент. Появляются новые системы высокоточного оружия, сравнимые с ядерным оружием, и они подрывают стратегическую стабильность. Ну, насчёт того сравнимы они или нет – это ещё большой вопрос. Я убеждён: они и близко не стояли с точки зрения разрушительной мощи с ядерным оружием, но они конечно, появляются, они путают всё. И это естественно, потому что новая гонка вооружений, новые системы вооружений стирают грани между ядерным и неядерным оружием, между наступательным и оборонительным, между региональным и глобальным оружием. Мы что-нибудь предложили вразумительное по этой части? Полностью запретить? Как проверить? А какие системы мы имеем в виду, ведь системы разные, к ним должен быть индивидуальный подход. Ничего никогда конкретного не было сказано.

Следующий довод: дальше в двухстороннем порядке двигаться нельзя. Мы уже сократились так низко, что дальше двигаться нельзя. А какие-нибудь конкретные предложения были сделаны? Какие страны мы предполагаем включить? На какой основе? У нас с американцами за 47 лет выработалась огромная система переговоров и поиска компромиссов. Все третьи страны никакого отношения к этой системе не имеют. Мы что, пригласим их на наши переговоры по СНВ? Конечно, нет. Из всех этих стран только Китай реально представляет на обозримый период возможность серьёзного изменения глобального ядерного баланса. Но Китай мы не упоминаем и не трогаем. Всё, что Китай в этой области делает, мы молчаливо одобряем и даже рады, что китайцы какие-то новые ракеты испытывают и развёртывают. Ни по порядку подключения третьих стран, ни по основам подключения третьих стран, ни по предмету переговоров, ни по оценке баланса – сколько у России и США, сколько у других стран по отдельности и вместе взятых – ясности нет. По независимым оценкам, на всех на них приходится 10%, на Россию и США – 90%. Причём эти 10% – не те системы, которые мы на переговорах по СНВ обсуждаем и ограничиваем, а это достратегические системы, которые там не рассматриваются, и мы не знаем, как их контролировать, в том числе пресловутое тактическое ядерное оружие, от которого мы просто отмахиваемся.

Я не буду дальше продолжать, потому что это тема большая и заслуживает отдельных обсуждений, а хочу закончить тем, что мне кажется очень важно для России осознать – ядерное оружие перестаёт быть фактором нашего статуса как глобальной державы. У нас его много, мы обновили свои ядерные силы. Это нужно было сделать с учётом наследия 1990-х годов. Но в дальнейшем эта инвестиция будет размываться той гонкой вооружений, о которой я говорил, – многоканальной и многосторонней, в которой мы будем всё больше и больше отставать.

Теперь ядерное оружие остаётся статусным фактором только в рамках продолжения переговоров об ограничении, сокращении и нераспространении ядерного оружия. Вот здесь мы будем продолжать играть ведущую роль наравне с США, вот тут наш статус сохранится, он будет нашим огромным по-

литическим активом. Без этой системы контроля мы будем терять этот статус, даже при наличии ядерного оружия.

В заключение я хочу сказать, что история возвращается на круги своя на новом уровне, на новом витке спирали, и поэтому перед руководством и коллективом ИСКРАН и ИМЭМО встают снова те задачи, которые решались 50 лет назад, решались успешно, но не навечно. Их надо снова решать, используя весь опыт, который был накоплен. Спасибо за внимание!

С.М. Рогов: Игорь Сергеевич в своём выступлении поставил вопрос: кому должна принадлежать инициатива, а Алексей Георгиевич в своём выступлении дал ответ, что инициативу надо брать в свои руки.

Слово предоставляется директору нашего братского Института мировой экономики и международных отношений **Фёдору Генриховичу ВОЙТОЛОВСКОМУ.**

Ф.Г. Войтоловский: Для меня большая честь выступать в стенах Института США и Канады. Каждый раз, когда я бываю на "Арбатовских чтениях" и декабрьской конференции, я всегда испытываю трепет, потому что для меня Институт США и Канады – это прежде всего книги, которые я читал, ещё будучи студентом истфака МГУ. Я помню, какое впечатление на меня произвела книга Генриха Трофименко "США: идеология, война, политика" и многие другие работы – Э.Я. Баталова, Ю.А. Замошкина, Сергея Михайловича (Рогова. – *Ред.*) и др. И для меня это было стимулом к тому, чтобы прийти в профессию, стать политологом, и в этом смысле я благодарен ИСКРАН за такую профориентацию.

Начать я хочу с поздравления коллектива ИСКРАН с юбилеем, а это особенно приятно делать. Наш Институт имеет многолетние связи с ИСКРАН, и в прошлом году нам было очень приятно получить поздравления от вашего коллектива. Представители вашего Института принимали участие в "Примаковских чтениях", которые мы стараемся сделать крупной дискуссионной площадкой. В этом году будет крупная панель по российско-американским отношениям, на которой будет выступать С.М. Рогов вместе с ведущими американскими специалистами по России, где, я предполагаю, будет жаркая дискуссия*.

Если мы посмотрим на 1967 год, то многое поймём о той значительной роли, которую играл ваш Институт в советской системе научно-экспертной подготовки принятия решений и которую, к счастью, продолжает играть и сегодня вместе с другими институтами Отделения глобальных проблем и международных отношений.

1967 год – разгар войны во Вьетнаме, интенсивные боевые действия, очень острая внутривнутриполитическая ситуация в США, одновременно острая ситуация в советско-американских отношениях, потому что тенденции, связанные с войной во Вьетнаме и позициями двух стран обостряются. Тем не менее, начало диалога по сферам деятельности, в которых страны "обречены" взаимодействовать друг с другом, в том числе и по контролю над стратегическими наступательными вооружениями, "обречены" на установление правил игры. На-

* "Примаковские чтения" состоялись 29–30.06.2017. – *Ред.*

сколько я помню, в 1967 г. был заключён договор о мирном использовании космического пространства и диалог пошёл на этом направлении тоже.

Когда создавался Институт США и Канады, об этом пишет и Г.А. Арбатов в своих воспоминаниях, он создавался не только для того, чтобы иметь дополнительный источник информации о, как это писалось в военных документах, "главном противнике", а в политических документах ещё не возник эвфемизм "наши американские партнёры" относительно страны с которой была самая сложная система отношений, но и канал коммуникаций, канал аналитики, канал экспертизы. И в этом отношении Институт США и Канады на том этапе шёл дальше ИМЭМО. Потому что ИСКРАН был активно вовлечён в процесс консультаций, в развитие системы развития контактов с американским экспертным сообществом, в диалог по наиболее острым аспектам в отношениях двух стран. И что интересно, появление ИСКРАН отражало тенденцию не только развития советской внешней политики и её экспертно-аналитического аппарата, который её обеспечивал, но и глобальные тенденции. Потому что образование ИСКРАН укладывается в "третью волну" появления мозговых центров обеспечения внешней политики и политики безопасности.

Первая волна, как вы знаете, это начало XX века, хотя первый "мозговой центр" появился в 1839 г., это был Объединённый институт королевских служб в Великобритании, дальше схожие структуры появлялись и исчезали на протяжении всего XIX века в разных странах, но по большому счёту, первая волна развития "мозговых центров" – это второе десятилетие XX века: 1910 год – фонд Карнеги "За международный мир", 1916 год – возник Институт Брукинса, 1921 год – Совет по международным отношениям.

Вторая волна пришла тоже из Америки, но распространилась и на Западную Европу, и на Советский Союз, и на некоторые социалистические страны. Это произошло после окончания Второй мировой войны, в конце 40-х годов. В США – РЭНД корпорейшн (1948 г.), в странах Западной Европы – Бельгийский королевский институт международных отношений (1947 г.), Итальянский институт международных отношений (1949 г.), в СССР – возникновение Института мировой экономики и международных отношений АН, который был возрождённым Институтом мирового хозяйства и мировой политики Е.С. Варги.

В 1960-е годы начинается третья волна появления "мозговых центров", и начинается она опять в Соединённых Штатах. И тогда, во-первых, проявляются две новые тенденции. Возникают "мозговые центры", которые ориентируются на какую-то проблемную тематику, и "мозговые центры", которые ориентируются на регион. Несмотря на то что, появление и развитие Института США и Канады во многом отражало особенности советской системы организации экспертного сообщества, развития советской системы экспертизы и научной подготовки принятия решения, оно укладывалось в глобальную тенденцию создания центров широкой проблематики: военно-политической, экономической, региональной.

И вот Институт США, при его ориентации на региональную тематику, в силу особенностей отношений между СССР и США, в условиях холодной войны, когда эти государства были системообразующими, охватил широкий

спектр тематик своих исследований: это экономика, политика, безопасность, психология и идеология. Комплексный характер исследований стал своеобразной визитной карточкой Института. Институт направлен на изучение одного региона, но изучения комплексного, системного, изучения с глобальным взглядом на мировые процессы, на глобальный контекст.

Я очень рад, что Институт США и Канады сохраняет и широкий спектр исследований, и их качество. Я знаю, что были трудности со зданием Института, и я поздравляю с победой и В.Н. Гарбузова, и С.М. Рогова, и коллектив Института. Понимаю, что приходится преодолевать бюрократические препоны – даже от той бюрократии, которая должна была бы помогать науке. И я надеюсь, что в дальнейшем удастся наращивать потенциал по всем этим направлениям исследований, и я хотел бы ещё раз сказать, что Институт США и Канады может всегда рассчитывать на поддержку ИМЭМО. Мы всегда с радостью её окажем и будем действовать вместе с институтами нашего Отделения по принципу "один – за всех и все – за одного".

Последнее, что я хотел бы сказать, продолжив ту линию, которую наметил А.Г. Арбатов в своём выступлении: мы сейчас оказались в уникальной ситуации, когда в российско-американских отношениях возникают условия для какой-то долгосрочной паузы, причём паузы не позитивной, а негативной. У нас есть стабилизировавшаяся негативная ситуация в отношениях, причём надолго, как минимум на несколько лет, причём она выйдет за рамки первого срока президентства Д. Трампа. В этих условиях у нас возникают возможности для разработки новых направлений взаимодействия с США, в том числе для поиска новых точек соприкосновения, а с другой стороны – возникают условия для того, чтобы попытаться оценить, на каких направлениях мы можем взаимодействовать (например, Арктика, обеспечение безопасности транспортных путей, развитие крупных инфраструктурных проектов), мы не можем не взаимодействовать в области контроля над вооружениями, не только стратегическими, но и ракет средней и меньшей дальности, о чём неоднократно говорил Сергей Михайлович.

Американская сторона постоянно предъявляет претензии российской стороне по соблюдению Договора по РСМД, нам в свою очередь есть, что им предъявить – и в части использования тестовых ракет при испытаниях систем ПРО, и использования самих систем ПРО не для выполнения их непосредственных задач, а и для запуска крылатых ракет, и т.д. Эта проблема есть и очевидно требует выработки какого-то компромисса.

Ещё одна сфера, в которой мы не можем не сотрудничать, но это пока нам не удаётся, – это международный терроризм, противодействие террористической угрозе, религиозно-идеологическому экстремизму. Здесь тоже поле непаханое и потенциал для сотрудничества есть, и условия, при которых мы не можем не обмениваться информацией для борьбы с этой транснациональной угрозой.

Есть сферы, в которых мы также можем пытаться искать некий компромисс и вырабатывать общие подходы, – это региональные конфликты. Конфликт на Украине заморожен и, видимо, надолго, с рисками периодической эскалации. Конфликт в Сирии находится в острой фазе, и на повестке дня

стоит вопрос: какова будет модель политического урегулирования и политического устройства в Сирии? Ситуация в Афганистане требует дополнительного внимания и с российской, и с американской стороны. Ситуация в Ираке также вызывает высокую озабоченность. Как будет развиваться ситуация в Пакистане, в регионе Авпак – это тоже открытый вопрос. Ситуация на Корейском полуострове требует внимания и России, и США и требует компромиссов.

Вот небольшой список вопросов, по которым мы и США не можем не вести диалог и искать сотрудничества. Но совершенно очевидно, что внутривнутриполитическая сфера, в особенности в США, и прежде всего в США, будет создавать существенные препятствия на всех этих направлениях. И здесь дело не только в том, что российская карта стала элементом внутривнутриполитической игры между демократами и республиканцами, между вновь избранным президентом и Конгрессом, между вновь избранным президентом и частью госаппарата.

Дело в том, что на среднесрочную перспективу нет в американском политическом истеблишменте заинтересованных, ориентированных на развитие отношений с Россией ни в экономической, ни в политической сфере. Есть бизнесмены-американцы, которые имеют инвестиции в России и торговые связи с Россией, но они – не сильная лоббистская группа. На политическом уровне таких групп тоже не просматривается. Когда пришёл к власти Б. Обама, у него была возможность, показав, что он не Дж. Буш-мл., во внутривнутриполитической сфере быстро получить очки за счёт разыгрывания российской карты и демонстрации возможностей "перезагрузки" отношений с Россией. Развития отношений. Это отнюдь не ситуация Трампа. Трамп слишком рано, не знаю по каким причинам, выложил на стол политических обсуждений, как бы он хотел выстраивать отношения с Россией, и, естественно, именно на этом направлении получил существенную блокировку. Конечно, отношения с Россией – это не самая интересная для Трампа игра. Это не самое интересное направление внешней политики, политики безопасности, и внутривнутриполитические дивиденды здесь минимальны. Но это могло бы быть одним из направлений, где неискушённый во внешней политике президент мог бы показать эффективность своих действий. Сейчас это уже затруднительно, принимая во внимание сложившуюся за последние полгода ситуацию.

Существенные стратегические шаги в отношении России уже нереализуемы в ближайшей перспективе, пока не уляжется внутренняя турбулентность. Эта негативная пауза в наших отношениях позволяет нам провести "инвентаризацию возможностей" и подумать о том, что бы мы могли сделать вместе, почему, как правильно сказал Владимир Петрович (Лукин. – *Ред.*), нам было бы выгодно вместе в этой ситуации. Было выгодно нам, просматривалась бы американская выгода и о чём мы могли бы договориться. Здесь роль Института США и Канады как экспертно-аналитической организации будет очень востребована. Материалы, которые дают институты нашего Отделения глобальных проблем и международных отношений, весьма востребованы и администрацией президента РФ, и Советом безопасности РФ, и Министерством иностранных дел. Я надеюсь, что те позитивные идеи, те возможные сценарии, которые мы сможем предложить, практические вещи будут востребованы. Я желаю всем удачи и ещё раз поздравляю с Юбилеем!

С.М. Рогов поблагодарил Ф.Г. Войтоловского за оптимистическое завершение и его реалистические оценки.

С докладом "Становление и эволюция школы аграрных исследований в Институте США и Канады РАН" выступил руководитель Центра аграрных исследований ИСКРАН доктор экономических наук **Олег Григорьевич ОВЧИННИКОВ**. Он отметил, что Институт США и Канады АН СССР был создан в особенный период истории – благополучный для обеих стран – как для СССР, так и для США. Динамика производства сельхозпродукции в обеих странах в послевоенный период впечатляла: прирост её производства в 1940–1970 гг. увеличился в 2–4 раза.

Однако явные достижения в сельском хозяйстве СССР скрывали массу недостатков. Например, производительность труда в сельхозпроизводстве была, по некоторым оценкам, в 3 раза ниже американской, имели место сильные диспропорции в развитии собственно сельхозпроизводства и в переработке продукции. Поэтому одной из основных задач вновь созданной сначала группы, а затем и отдела сельского хозяйства Института был анализ передового опыта США в организации сельхозпроизводства и выработка на этой основе рекомендаций для отечественной отрасли.

Изучением американского аграрного опыта занимались в СССР и прежде. Достаточно привести фамилии Мартынова В.А., Манукяна А.А. Тулупникова А.Н., Демьяненко А.Н., Андреевой Н.М. и др. Основателем школы аграрных исследований Института стал Виктор Фёдорович Лищенко. Выпускник Ветеринарной академии, в 1969–1974 гг. он был советником по вопросам сельского хозяйства в Посольстве СССР в США. Именно тогда проявился его талант исследователя, были приобретены неоценимые практические знания, которые легли в основу тематики вновь созданного аграрного подразделения Института. Буквально сразу после возвращения В.Ф. Лищенко в СССР Г.А. Арбатов предложил ему возглавить это подразделение.

С 1974 г. началось формирование научной школы аграрной американистики Института. Первоначально сектор состоял из семи человек. Тематика научных исследований к середине 1980-х годов – периоду расцвета отдела – охватывала широкий круг вопросов – от экономики и структуры АПК США, закономерностей развития растениеводства, животноводства и рыбного хозяйства, направлений интенсификации сельскохозяйственного производства и региональной специализации до энергопотребления и вопросов государственного регулирования сельского хозяйства. К этому времени отдел состоял из 17 научных сотрудников. Всего с момента создания и до настоящего времени в разные годы в отделе работали до 30 человек – специалистов в разных областях знаний.

Первоначальную основу сектора сельского хозяйства составляли такие опытные специалисты-аграрники, как Оспинникова Л.Р., Колесников Л.В., Тулупников А.А., Литвинов А.Н., Шевлягина Е.А., Васильева Е.Н. Расширение штата сотрудников происходило за счёт принятия молодых специалистов, в том числе и аспирантов. В 1970–1980-е годы и позднее в отдел пришли Коротких А.А., Михеев А.Н., Сотников С.В., Андреев А.В., Чурлина М.Е., Щеголов И.А., Авакова И.Б., Козлов А.В., Зайченко М., Иоаннисян С.Л., Овчинни-

ков О.Г., Ермаков С.А. и специалисты с опытом практической работы – Коныгин А.А., Черняков Б.А., Шершнёв Е.С., Ларионов В.Г., Первов Н.Г., Клюкин Б.А., Шимко А.Н., Терентьева А.С., Жиганова Л.П.

За 20 лет работы отдела 19 сотрудников защитили кандидатские диссертации, четыре сотрудника – докторские.

Основной задачей работы отдела сельского хозяйства являлся критический анализ развития АПК США и выработка рекомендаций по использованию американского опыта в отечественном сельском хозяйстве. В частности, сотрудники отдела доказывали необходимость развития элеваторной и комбикормовой промышленности, голштинизации молочного скота. Новая отрасль – производство бройлеров – практически была создана усилиями сотрудников отдела. Их заслугой можно считать и продвижение американского опыта создания типовых комбикормовых заводов. Результатом сотрудничества отдела с руководством Белгородской области в период 1989–1993 гг. стало строительство кукурузокалибровочного завода, производящего семена высокой всхожести (97–98%). По инициативе отдела стал использоваться общеизвестный сейчас термин "продовольственная безопасность". Его внедряли в сознание советских, а затем российских чиновников на протяжении почти 30 лет.

Многое изменилось в работе отдела и Института после начала рыночных реформ. В 1993 г. В.Ф. Лищенко оставил должность заведующего отделом и возглавил созданный им Центр международного агробизнеса Высшей школы международного бизнеса при АНХ при президенте РФ. За время работы в возглавляемом им Центре было подготовлено свыше 1500 специалистов АПК. Должность заведующего отделом, а затем и центром после ухода В.Ф. Лищенко занял Б.А. Черняков – опытный практик, около 20 лет проработавший непосредственно в сельском хозяйстве, и ученый с большим стажем работы.

Всего с момента создания научного подразделения по аграрной тематике выпущено 43 коллективные и индивидуальные монографии, опубликовано более 240 статей. Сотрудники участвуют в различных конференциях, круглых столах, других подобных мероприятиях.

Затем слово было предоставлено заведующей сектором политических проблем Канады ИСКРАН доктору экономических наук **Елене Геннадиевне КОМКОВОЙ**, посвятившей своё выступление значению роли Г.А. Арбатова в становлении и развитии канадоведения в ИСКРАН.

Моё сегодняшнее выступление, отметила она, продолжает линию, обозначенную О.Г. Овчинниковым, с целью рассказать об участии Г.А. Арбатова в становлении и развитии канадоведческого направления исследований ИСКРАН, превратившегося в ведущий Центр канадоведения в нашей стране; напомнить об обстоятельствах переименования "Института США" в "Институт США и Канады"; представить собственные взгляды Г.А. Арбатова на Канаду.

По словам и оценкам Г.А. Арбатова, высказанным в связи с изданием первой коллективной монографии сформированного в ИСКРАН творческого коллектива канадоведов под редакцией Л.А. Баграмова, Г.А. Арбатов написал нешаблонное предисловие. В нём он отметил "важную роль" Канады в современном мире, а также обратил внимание на "позицию Оттавы по ряду важных

вопросов международных отношений", которая "в течение длительного периода времени имела свои отличия" от позиций других развитых капиталистических стран, НАТО и США. "Интерес к Канаде, – резюмировал он, – у нас не только академический".

Канадская тема получила развитие в выступлении Г.А. Арбатова на конференции в Институте по случаю 60-летия установления дипломатических отношений между СССР и Канадой. В нём он подчеркнул, что "Канаде судьбой уготована значительная роль в мировой политике. Эта страна многие вопросы понимает лучше других стран в силу своей истории, многонационального характера государства. Потенциал российско-канадского сотрудничества в решении проблем мировой политики использован далеко не полностью".

Разумеется, приведённые цитаты не исчерпывают всей многогранной деятельности Г.А. Арбатова и сотрудников Института на канадском направлении. Известно, что академик участвовал в Пагуошском движении, родиной которого считается Канада, нередко бывал в этой стране для участия в разного рода конференциях и семинарах, поддерживал развитие программ научных обменов ИСКРАН с рядом ведущих канадских университетов, встречался в Москве с видными канадскими учёными и политическими деятелями, в частности, принимал в Институте П.Э. Трюдо.

Как директор Института и президент сначала Советской, а затем Российской ассоциации изучения Канады Г.А. Арбатов активно участвовал во многих канадоведческих мероприятиях, освещая их своим авторитетом. Например, 17 ноября 1994 г. Арбатов открывал в Институте США и Канады научную конференцию о Североамериканской зоне свободной торговле, а 1 июля 1996 г. выступал в московском Доме Дружбы с народами зарубежных стран на праздновании 129-летия Канадской Федерации. Или такой, нетривиальный, но вполне в стиле Георгия Аркадьевича поступок: когда в 1995 г. в Оттаве происходил очередной пересмотр внешней политики и всерьёз обсуждался вопрос об изъятии из сферы ответственности МИД функции поощрения изучения Канады за рубежом, Г.А. Арбатов посчитал нужным вмешаться и написал письмо поддержки в адрес тогдашнего министра иностранных дел Канады Андре Уэллета.

В целом можно сделать вывод о том, что учреждение в СССР научно-исследовательского учреждения с названием "Институт США и Канады" под руководством члена интеллектуальной команды ЦК КПСС Г.А. Арбатова и с полноразмерным Отделом Канады в его составе было положительно воспринято в Канаде. Это, по оценкам зарубежных дипломатов и советологов, свидетельствовало о росте международного авторитета Канады, хороших перспективах двустороннего сотрудничества, а также об усилении внимания руководства нашей страны к изучению и использованию канадского опыта в разных сферах и областях.

Материал подготовила
И.А. ПЕТРОВА,
старший научный сотрудник
Центра прикладных исследований ИСКРАН
(ira.pet@gmail.com)

50th Anniversary of ISKRAN

The Arbatov Readings-2017

(USA ❖ Canada Journal, 2017, no.8, p.5-26)

Received 6.06.2017.

On May 19, 2017 at the Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences the 7th scientific conference called the Arbatov Readings was held. It became traditional in ISKRAN and received its name in commemoration of the Institute founder and architect of the Russian scientific school of American studies - Academician Georgiy Arkadievich Arbatov.

This year the conference was dedicated to the 50th anniversary of ISCRAN. Its agenda consisted of two meetings. The first: ISKRAN – half a century of success – recalled the memorable events of the Institute's history. In the frame of the second meeting topics of American studies, as well as the first steps of the Donald Trump administration in economic, domestic, foreign and military policy were discussed.

The conference was attended by the founding fathers of the Institute, those who spent a lifetime working in ISKRAN and devoted all these years to the American studies, as well as representatives of the younger generation of scientists who came to the Institute in the new millennium. Among the invitees were long-time colleagues, friends and associates of the Institute from the Russian Academy of Sciences, the expert community, as well as former fellows of ISKRAN who have maintained close contacts with the Institute's team for many years.

Thus, the following speakers took part at the first meeting: IVANOV Igor Sergeevich, - a corresponding member of the Russian Academy of Sciences; a former Minister of foreign affairs of RF, now President of the Russian Council on Foreign Affairs; ARBATOV Aleksei Georgievich, - academician, Head of the International Security Centre of IMEMO named after E.M. Primakov; LUKIN Vladimir Petrovich, - Doctor of Sciences (History), Deputy chairman of the State Duma of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of RF; VOITOLOVSKY Fyodor Genrikhovich, - a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, acting Director of IMEMO of the RAS.

Compiled by:

PETROVA Irina Alexandrovna, Senior researcher (*ira.pet@gmail.com*).